

Title	Русская идея в русской поэзии : Восток и Запад, «свое» И «чужое» в былинах
Author(s)	Петров, Александр
Citation	Acta Slavica Iaponica, 11, 167-176
Issue Date	1993
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8060
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034017.pdf

Русская идея в русской поэзии:
Восток и Запад, «свое» и «чужое» в былинах

Александр Петров

«Дневное движение солнца – писал А. Афанасьев – играло весьма важную роль в древнейших верованиях» и им определялись стороны света. Для многих народов, а между ними и для славянских, с востоком, как страной где восходит (рождается) солнце, соединялись «представления рая, блаженного царства вечной весны», а с западом, наоборот, как страной где солнце заходит (умирает), связывалась «идея смерти и ада, печального царства вечной тьмы». И как восток противопоставлялся западу, так и юг противопоставлялся северу, который в народных преданиях рисовался «стороной холодных ветров, зимней вьюги и вечного мрака», а также и «жилищем злых духов». У древних славян понятие левого совпадало со северным и правого с южным, «так как древний человек обращался для молитвы к востоку и, следовательно, с правой руки имел полуденный юг, а с левой – полнотный север». Хорошо, конечно, известно, что в народных поверьях, также как и в христианстве, правая сторона (рука) связывается с добром (ангелом), а левая со злом (чертом). А. Афанасьев в книге «Поэтические воззрения славян на природу» привел также и цитаты из памятников древнерусской литературы, свидетельствовавших о сходных взглядах (что рай был «насажден» на востоке, а «муки» «суть на западе»)(А 181-183).

Сопоставление востока и запада не характерно для былин. Они сравнительно редко упоминаются в былинах. А когда упоминаются, можно узнать те традиционные представления, о которых писал А. Афанасьев. В былине «Добрыня и змей» русский богатырь после совершенного подвига, обращается к освобожденному народу со следующей речью:

Кто откуль вы да унесены,
Всяк ступайтее свою сторону,
А собирайтесь все да по своим местам,
И не троне вас змея боле проклятая,
А убита е змея да та проклятая,
А пропушена да кровь она змеиная,
От востока кровь да вниз до запада,
Не унесет нунь боле полону да русского
И народу христианского,
А убита е змея да у Добрынюшки
И покончена да жизнь нуньчу змеиная (П 195).

В. Пропп подчеркивал в словах Добрыни его сознание своего подвига

как подвига «освободителя»(П 195). Но в его словах можно заметить и скрытое сопоставление «высокого» востока и «низкого» запада.

Может быть не случайное и совпадение заката солнца с обращением князя Владимира к князьям, боярам, купцам и людям торговым, собравшихся у него на пиру, осведомлявшим их о нашествии татар:

Уж как пир-от идет нонь навеселе,
Уж как день-от идет да день ко вечеру,
А красно солнышко катится ко западу,
А ко западу красноё, ко закату.
Уж как все на пиру да пьяны-веселы,
А Владимир-князь по грынюшке погуливат,
Горючима слезами умывается,
Тонким беленьким платочком утирается (Б 156).

Есть определенная символика в сравнении пира и дня: веселый пир кончается горем как день кончается закатом. Здесь еще напрашивается одно сравнение: как «красное солнышко» катится к западу так и Русь катится к возможной гибели.

В. Я. Пропп, в своем исследовании русского героического эпоса, утверждал, что «события классической былины происходят всегда на Руси», а «события сказки могут локализоваться 'В некотором царстве,' 'в некотором государстве,' так как «не это подчеркивается в ней»(П 248). Он также указал, что «степень близости между былиной и сказкой может быть различной» и что многие ранние былины тоже имеют сказочный характер. В былинах, где богатыри сражаются с чудовищами на русской земле, в землях окружающих Русь или в более далеких странах, «реальные исторические и географические представления переплетены с типичными для средневековья представлениями о чудесных странах». «Наименования земель в былинах нередко чисто условны, с этими наименованиями далеко не всегда связано реальное содержание. . . Когда мы находим в былинах такие названия, как земля Индийская, Литовская, Половецкая, Карела, и т.п., мы не должны обязательно думать об исторической Индии или исторической Литве. Характерно, что когда герой попадает в какую нибудь из этих стран, он неизменно встречается там. . . с татарами. В образе чужой земли, как бы она ни называлась в каждом отдельном случае, предстает обычно государство, враждебное Руси»(Путилов, Б 8).

Хотя В. Я. Пропп начало русского эпоса не связывал с образованием киевского цикла былин, он даже в анализе и самых архаических былин, из раннего, «догосударственного эпоса», вскрывал их разнородность. Так в былине о Садко, одной из самых древних, он не только установил в ее основе лежащее сватовство, но и утверждал, что «в условиях исторического Новгорода былина приобретала исторические черты». Согласившись с положениями Белинского, что эта былина есть «поэтическая апофеоз Новгорода как торговой общины» и что в Садко выражен совершенно

национальный характер, Пропп пояснил это утверждение: «В Садко есть русский размах, когда он, например, сразу закладывает все свое имущество. В нем русская удаль, когда он испробовав все средства, чтобы спасти себя хитростью (тоже русская черта), и видя, что дело доходит до смерти, смерти не боится, а бесстрашно бросается в пучину моря»(П 85). Не раз Пропп ссылаясь на Белинского и когда обрисовывал национальный характер трех героев русского эпоса. В образе Ильи Муромца Пропп подчеркивал свойства зрелого человека («суровый и могучий»), у Добрыни культурность («соединенную с сознанием силы и непобедимости русской культуры, которую он представляет», П 200), а в характере Алеши качества смелости, находчивости, остроумия, хитрости, жизнерадостности. Отличительной чертой героев русской былины Пропп выделял то, что русские богатыри никогда не совершали «подвига ради подвига»(П 180) и что их храбрость была «направлена на защиту родины»(П 177). Для русского эпоса было характерно и то, тоже по его словам, что русский герой никогда не погибает, «он только побеждает»(П 324).

Противопоставление «своего» (своего Города, общины, родины, воинов, народа) и «чужого», вообще характерно для героического эпоса. Свое всегда представляется положительным, а чужое, особенно если оно и враждебное, отрицательным. Утверждение национального самосознания в процессе создания национального государства являлось одной из основных социальных функций эпоса. Поэтому и отношение героев русской былины к врагам и ко всему чужому, их неизменные чувства ненависти и презрения (П 314), нужно понимать условно. В русском эпосе Русь всегда святая («святая Русь», «святорусские воины», «держава свято-русская»), а «все, что не Русь, – это ‘поганое’ и ‘неверное’»(П 123). По мере того, как эпос приближался к истории, враги Руси теряли мифологический и фантастический характер и становились историческими, именно теми, с которыми России выпадало на долю позже сражаться.

Основным событием русского героического эпоса явилось нашествие татар, а отражение татар воспевалось в былинах как величайший подвиг русского народа. Хотя татары упоминались в разных сюжетах, былины об отражении татар образуют особую группу песен, которая отличается более высоким историзмом. Но даже и в этих былинах историзм принимал очень условную форму и воспеваемая борьба с татарами, которые в народном сознании заслонили предыдущих врагов России, носила очень обобщенный характер. Некоторые из самых важных исторических событий времен татарщины не были изображены в былинах (Куликовская битва, например).

В былинах не подчеркивается факт, что татары восточный народ, но есть стихи, которые свидетельствуют о сознании певца, с какой стороны надвигалась угроза. Молодой русский богатырь, Ермак, очутившись на распутье двух дорог, знает какая из них ведет к татарскому врагу:

Пришло две пути-дороженки –
Одна на гору-то латынскую,
А другая к царю Калину во чисто поле.
И младый Ермак да Тимофеевич
Перекрестил свои глаза да на восток идти:
«Не поеду я на гору на латынскую,
А поеду я во силу во поганую,
Попробую я своих плеч богатырских,
Храбрости своея молодецкой»(Б 136).

На «латынской горе» в этой былине находятся «свои воины» и старый казак Илья Муромец. Но это не значит, что русские воины и богатыри в былинах связаны с западом или с чем либо «латынским». Тот же Илья Муромец осматривает «силушку татарскую», осаждающую Киев, и конца-краю силы насмотреться не может, потому что татары расположены «на все три-четыре стороны». А вот русские богатыри, в этой былине («Илья Муромец и Калин-царь») находившиеся вне Киева, были «под восточной стороной».

В диалоге между полуфантастической златорогой турицей и ее турятами является глубокий по своему замыслу образ «плачущей стены» («Василий Игнатьевич и Батыга»):

«Ай же ты, турица наша матушка,
А-й были мы, туры, да во чистом поли,
А лучилося нам, турам , да мимо Киев-град идти,
А-й видели над Киевом чудным-чудно,
А-й видели над Киевом дивным-дивно:
А по той стены по городовыи
Ходит-то девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не столько читает, да вдвой плаче».
Говорит-то ведь турица родна матушка:
«Ай же вы, туры да малы детушки!
А-й не девица плачет, – да стена плаче,
А-й стена та плаче городовая.
А она ведает невзгодушку над Киевом,
А-й она ведает невзгодушку великую».
А из-под той ли страны да с-под восточныя
А наезжал ли Батыга сын Сергеевич. . . (Б 149-150)

Татары наезжают на Киев с восточной стороны не только потому, что они, по существу, народ с востока, а возможно именно потому, что на восточной стороне киевской стены мог находиться, а по видимому и находился, образ Богородицы (икона «Нерушимая стена»). В былине «Васька-пьяница и Кудеванко-царь» златорогая турица объясняет своим

турятам, что «чудо-чудное», «диво-дивное» в Киеве, «душа Красна девица» со святой книгой, которую она читает и плачет, тоже Богородица (Б 154-155). Целью татарского нашествия в былинах всегда является и покорение Руси и попрание христианской веры. Так «вор-собака да злодей Калин-царь» пишет в Киев:

Если нету в городе поединщика,
 Божьи ти церкви да я во дым спущу,
 Да почестны монастыри я розорю,
 Силу крещену да всю привырублю,
 Да Владимира-князя дак я под меч склоню,
 Да княгиню Опраксею дак за себя возьму (Б 141).

Неудивительно, что и князь Владимир обращается к Илье Муромцу, а в других былинах и к другим богатырям, со словами:

А постой-ко ты за веру, за отечество,
 И постой-ко ты за славный Киев-град,
 Да постой за матушки божьи церкви,
 Да постой-ко ты за князя за Владимира,
 Да постой-ко за Опраксу-королевичну!»(Б 121).

Отечество и христианская вера, и то та, которую исповедуют русские, в былинах неразделимы. А такое отношение к вере отражается и в «географических представлениях». Не совсем уж верным выглядит положение В. Проппа и Б. Путилова о том, что в былинах все, что не русское и не Русь – враждебное (Б 8-9). Нужно пояснить, какое содержание народный певец вкладывал в понятия «своего» и «русского». Сам В. Пропп прекрасно объяснил почему «шапка земли греческой», с помощью которой Добрыня победил змея, является чудесным предметом. «Шляпа или шапка земли греческой не что иное, как монашеский головной убор, имевший форму капюшона или колокола. На Русь этот убор был занесен из Византии. В былинах его часто носят калики переходные. . . Само название 'шапка земли греческой' указывает на то, что здесь сохранились какие-то воспоминания об отношениях Киевской Руси к Византии. В народном сознании того времени Византия была важна тем, что из Византии на Русь пришло христианство. Эпос показывает, как народ к этому отнесся. Значение принятия христианства было чрезвычайно велико»(П 184-186).

В момент появления татар под Киевом богатырей «во Киеве нелучилося», или же они были засажены в нем, в глубоком погребке, из-за ссоры (конфликта) с князем Владимиром. Характерно, что киевские богатыри, если не пребывают в «чистом поле» или не «стоят на горы на латынские», то находятся в странах и местах, связанных таким или иным образом с христианством: в Царьграде («Камское побоище», Б 139-148),

«на Святых на горах», «в богамольной стороны» («Василий Игнатьевич и Батыга», Б 139-148). И там они оказались не по причинам сватовства, брани или сбора дани. Хотя причины их путешествия остаются нераскрытыми, можно предположить, что они поехали с той же целью, с какой «сильнее могучее Иванише» «шел как он во Иерусалим-град / А господу ен богу помолиться ведь»(Б 84). Но Иванише не настоящий русский богатырь и его образ преисполнен явной иронией. Он и не одет по богатырски, а как калика, и не ведет себя по богатырски, и хоть у него силы, по словам Ильи Муромца, «с два меня, / А ухватки у тебя и половинки нет»(Б 88). Хождение в святую землю, и даже крещение в «Иордан речке», не помогло этому, пародически обрисованному герою стать полноценным богатырем. Но нас здесь интересует не образ трусливого «богатыря», а отношение народного певца к христианским «богомольным сторонам» за пределами Руси. Эти страны не рисуются как «проклятые» и «поганые», поскольку, как такая оценка соответствует странам враждебным и «неверным». А враждебное и неверное отождествляются в сознании народного певца. «Земля греческая», Царьград, пока он еще не стал турецкой столицей, Иерусалим и святые места, являются не только странами «верными»(П 223), но и символами своей, христианской веры. А вера и отечество, святость и Русь, тоже отождествлены в былинах.

Но в сознании народного певца отождествлены, как страны «поганые» и, соответственно, «неверные», так пространственно отдаленные (восток – запад), духовно и религиозно несхожие народы, как татарский и литовский. Литва часто упоминается в русских былинах и в древних, и в позднейшем воинском эпосе, когда воспевалась уже не борьба Киева с татарами, а Москвы, в XVI веке, со своими западными соседями – Литвой, Ливонией и Польшей. Михаил Потык, в одной из самых архаических и сложных («многосоставных») русских былин, после многих сказочных приключений, убивает в «земляной Литве»(Б 255) свою первую жену, колдунью, изменившую ему и бежавшую к литовскому королю. Но там он находит и свою новую жену, королевичну. Она упрашивает своего будущего мужа не разорить «землю всю Литовскую» и пощадить ее отца. Русский богатырь укротил свое богатырское сердце, взял невесту в Киев, к «ласковому» князю Владимиру и привел ее «в верушку крешенную»(Б 263). Выходит, что в народном сознании Литва не приняла еще христианство и не являлась страной христианской, по крайней мере, не такой христианской, какой была Русь.

Характерно и то, что иноземка воспринималась как своя если она принимала «верушку крешенную». Противопоставление «русский – нерусский» не отличается от противопоставления «русский – неверный». Такое отношение к русскому и нерусскому хорошо выражается в словах Ильи Муромца:

«Как два русских-де борется, надо разговаривать,
А и русский с неверным – дак надо помощь дать
А два же нерусских – дак надо прочь ехать»(Б 273).

В этой же былине, «Бой Добрыни с Дунаем»(Б 271-275), борются два русских богатыря, а причина их борьбы та, что Дунай привез с собой из Литвы подарки «короля ляховинского», а Добрыня их уничтожил. Дунай, понимая, что они могут вызвать чувства озлобления у русских, написал предупреждение, «со угрозами», «со великими». Добрыня угроз не побоялся, а его поступок оправдан в былине, так как поступок уничтожения подарков по сути тоже, что и убийство змея, идолища или татарина. Литовские подарки воспринимаются как заколдованные, нечистые, поганые. Их нужно было либо освятить, либо уничтожить, что Добрыня и делает, так как он богатырь, а не священник.

О смысле, который народный певец вкладывал в понятия креста и молитвы, свидетельствует и другая былина, с Дунаем как основным героем (Б 276-284). В этой былине, в которой описывается женитьба князя Владимира на дочке литовского короля, Литва называется «хороброй», а сам король «храбро-литским». Но и будущая русская княжна, королична Опроксимья, вместе со своей сестрой, которая выходит замуж за Дуная, прежде «крестились и молитвились». Но несмотря на женитьбу киевского князя Владимира, это одна из самых трагических русских былин. В ней богатырь Дунай убивает свою молодую жену с младенцем «во чреве», а затем кончает и с собой. Сюжет былины подсказывает, что жена Дуная была прежде, пока он служил у литовского короля, не только его любовницей, но и колдуней. Народный певец чертит ее образ, когда она передевается в мужчину, как «неверного татарина». А в «неверном татарине» отражается более древний образ фантастического идолища, или змея, так как «посвистывал он да по-змеиному» и «покрикивал он да по-звериному». Но это еще никак не значит, что народный певец оправдывает убийство Настасьи. Он его, напротив, осуждает, так как она, «крестившись и молитвившись», стала своей, «верной» и тем самым вполне русской. В споре между Настасьей и Дунаем, из-за его хвастовства, народный певец очевидно берет ее сторону. Она и выигрывает состязание с мужем, оказавшись лучшим стрелком. А Дунай, трагически заканчивает свою жизнь потому, что из всех русских богатырей, с точки зрения народного певца, он меньше всего русский по своему характеру. Он «ходил из орды в орду да из земли в землю», но там он служил «во конюшниках» и «во ключниках», а служба у литовского короля жил с его дочерью, королевичной Настасьей, невенчано, пока она еще не «крестилась и молитвилась». К тому же, он хвастался тем, чем не только богатырь, а всякий порядочный человек не хвастается. Хотя ее и опозорил, Настасья простила Дунаю хвастовство и спасла ему жизнь. Второй раз она стала жертвой его хвастовства, так как он не мог простить ей свой

заслуженный позор. Дунай, наконец, не искупил свои грехи, как их искупил, например, Михаил Потык.

Потык тоже привел королевичну подольскую (литовскую) в «верушку крещенную». Но, при этом, он был обманут, так как одновременно исполнил просьбу своей жены, колдуни, и подписал с ней договор («заповедь – воликую»), по сути нехристианский. За свою ошибку Потык заплатил смертью, но и под землей совершил подвиг и, наконец, наказал жену, изменившую и ему и «верушке крещеной». Потык жену убивает не по причине суеты, как Дунай, а по причине веры и правоты. И народный певец судит о делах и поступках своих героев по тем же достоинствам.

В некоторых из самых поздних былин, где роль врагов уже выполняют турки, признаки веры тоже ярко описываются. На соколе-корабле, который «ходит-гуляет» по синю-мору и «подбегает-подлетает» под турецкий град,

На нем три церкви соборные,
На них три креста серебряны.
(«Илья Муромец на соколе-корабле», Б 222)

На таком корабле плывут три самых славных русских богатыря. Илья Муромец поражает стрелой «большого» Салтана Салтановича, а турки заклинаются «что закажем на синем море бывать»(Б 222). Так и татары заклинались не нападать на святую Русь. Только в этой былине турки заклинаются «своим всем богам». Эта былина, происхождения не ранее XII века, исполнялась как обрядовая песня на рождество, а «поющие носили большую звезду, на которой были изображены корабль с богатырями, турецкий город, турки на каретах, и т. д.»(Б 464). Но в самом сюжете соборные церкви и серебряные кресты были признаками и веры и России.

Но русское общество в былинах не рисуется бесконфликтным. Для героического эпоса вообще характерны столкновения между соотечественниками. В эпосе часто встречается образ изменника, а предательством или междоусобицами объясняются причины поражения в боях. Нашествия врага и «гибель» земли тоже толкуются как наказание от Бога за грехи народных вождей или целого народа. А в сказках и в самых архаических песнях явление змея есть признак болезни или старости царя, либо отсутствия защитников города или царства.

Для былин киевского цикла характерно, что богатыри отлучаются из Киева до нашествия татар, а те, которые остаются в Киеве, или находятся в заключении, как Илья Муромец, или же стали «низкими пьяницами». В былинах не всегда прямо раскрываются причины, за что князь Владимир разгневался на Муромца, или почему одни богатыри отлучились, а другие гуляют по кабакам, уже пропивши и промотавши «все житье-бытье свое». Но в некоторых былинах о причинах ясно говорят слова и поступки богатырей. Богатыри в обиде на князя Владимира за его несправедливое

отношение к ним. По их словам выходит, что у князя много «князей-бояр», что он их кормит, поит и жалуется, а им ничего нет от князя Владимира («Илья Муромец и Калин-царь», Б 128). Но оказывается, что в бедствии ни князю Владимиру ничего нет от князей-бояр. Богатыри по разному относятся к просьбе постоять за веру и отечество, за славный стольный Киев-град и за божьи церкви, за самого князя и его княгиню. Одни без раздумия соглашаются, как Илья Муромец, другие в начале отказывают наотрез, а потом перерешают и ступают в бой, как крестный отец Ильи Муромца, Самсон Самоилович, но только после того, как Муромец спустил в него «стрелочку каленую» (Б 131). А Васька-пьяница, застрелив сначала татарского Кудреванко-царя, даже направляет татар в Киев, что бы грабили князей, бояров и купцов, лишь бы не «борошили» князя Владимира с княгиней. Но и татарские «пановья-улановья» оскорбляют Ваську-пьяницу, обойдя его при дележе награбленного, так что он расплачивается, убивая «всех татар да нонь до одного». «Низка пьяница» возвращается в Киев с казной, отказывается от золота и серебра и требует за себя только пить «безденежно» (Б 154-162).

Обида, нанесенная Илье Муромцу князем Владимиром, является причиной его сильного гнева, описанного в былине «Илья Муромец в ссоре с Владимиром» (Б 324-329). Разгневанный Муромец начинает стрелять по божьим церквям, по крестам и по золоченым маковкам, а потом пропивает «маковки вси золоченые» с голью кабацкой. Подымая руку на церковь, Илья Муромец мстит князю, так как с точки зрения народного певца эти «доброхоты все были царские». Ссора кончается посредственным извинением князя Владимира, через Дабрыню, крещеного брата Муромца. А сама былина завершается словами Ильи, который без всяких недомолвок говорит князю Владимиру, что если бы он не послал Добрыню с приглашением к себе, он «убил бы тя, князя, со княгиною». И Муромец просит у князя прощение за «этою вину да ту великую». Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром окажется парадигматической в будущей русской литературе.

В отличии от большинства других устных жанров, лирики между прочим, в былинах подчеркивается причастность героев к отечеству, к народу и к вере. Былины воздействовали на формирование русского национального самосознания и внушали патриотические чувства своим слушателям, а позже и читателям. Они воспитывали и чувства уважения и любви ко всем иноплеменникам и иноземцам, принявшим «верушку крещенную» и таким образом обрусевшим. Между ними и русскими в былинах нет никакой разницы. Но христианская вера сведена в былинах к вере русского народа, к православию или к восточной церкви. Но кроме «веры крещенной», в этом тесном смысле, никакая другая христианская вера, да и вера вообще, почти и не существует. Другие верующие, несмотря на то, какой они религии следовали, исповедовали ислам или принадлежали к западной христианской церкви, все они были «неверными» и погаными». В лучшем случае, упоминаются какие то «все

их боги»(Б 222), как в былине о Илье Муромце на соколе-корабле. Но герои былин не ставят своей целью распространять веру, особенно не огнем и мечом, как закон божий распространяли крестоносцы. Герои былин тоже не завоеватели чужих земель, а защитники родины. Скорее в виде исключения, мотивировкой их отправления в другие земли является даже и взимание дани. Они часто покидают родину по причинам сватовства, а тут без борьбы дело никогда не обходит. А ездят они и в святые места Богу молиться. Но образ странствующего богатыря не типичный для былин.

Именно по отношению к этому герою, Дунаю, народный певец испытывает неудовольствие, не одобряя его поступки ни на родине ни на чужбине. Он ему ставит в упрек и недостойное поведение, скитание, служение по найму. Богатырю хвастуну он, с одной стороны, противопоставляет образ его обрусевшей супруги, несмотря на ее прошлое полу-колдуньи, так как она и тогда, до крещения, проявляла храбрость и чувства любви к человеку, опозорившему ее перед отцом и соотечественниками. Тому же богатырю-скитальцу противопоставляется образ Добрыни, воинственного представителя русской культуры. По вопросу уничтожения литовских подарков, народный певец берет сторону Добрыни. Образ богатыря скитальца, по-видимому, не вкладывается в образ богатыря. Возможно, что и другие недостойные свойства Дуная, являются вторичными, навязанными его основным «недостатком»: страстью к скитальчеству.

Богатырь в народном сознании символ самого народа. И как Киев, тоже символ, Руси, огорожен стеною, так и богатырь вооружен, но тоже и огорожен, чувством кровной связи с отечеством и верой. В образе Дуная замечается почти полное отсутствие именно этого чувства как характерной черты. Народный певец и в ссоре Ильи Муромца с князем-солнышком Владимиром встает на сторону богатыря. Осуждая, хоть и опосредованно, князя Владимира за его несправедливое отношение к славному богатырю и за его привязанность к боярам и купцам, он, хотя тоже не прямо, винит князя и его окружение за неподготовленность к нашествию татар. Если бы не богатыри, тогда в былинах, как и в действительности, Киев и вся Русь не обошлись бы только угрозами и осадой.

Примечания

А = А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, I (Москва, 1865).

Б = Былины, Библиотека поэта, (Ленинград, 1957).

П = В. Я. Пропп, Русский героический эпос (Ленинград, 1955).